

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. В. В. ВИНГРАДОВА

AD FONTES VERBORUM

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ЭТИМОЛОГИИ
И ИСТОРИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ

К 70-летию Жанны Жановны Варбот

Москва «Индрик» 2006

О. М. Младенова

Болгарский «авось»: к изучению модальных слов в болгарском языке¹

В отличие от русского *авось*, болгарские модальные слова, выражающие надежду — литературное *дано* и диалектные *давно* и *ега*, устаревшие *еда* и *негли* и разговорное *бе(л)ки(м)*, — отнюдь не знамениты и не считаются ключом к пониманию болгарской души. Более того, они даже не воспринимаются как эквиваленты русского *авось*, если судить по самым авторитетным двуязычным словарям: *дано* 'пусть, только бы, хоть бы, хорошо бы' (Бернштейн 1986: 106) и *авось* 'может би' (Чукалов 1981: 12).

Цель настоящей работы — описать семантику модальных слов *дано* и *давно* на основе корпуса из около 150 примеров из болгарской художественной литературы XIX и XX вв., публицистики, разговорной речи и дамаскинов и предложить новое объяснение их происхождения. При этом частичные синонимы *ега* (Геров 2: 3; ПРОДД: 124; БЕР 1: 47; ESSJ 2: 40–41; 277–278), *еда* (Геров 2: 3; БЕР 1: 477), *негли* (Геров 3: 258; ПРОДД: 289; БЕР 4: 595; ESSJ 2: 455–462) и *бе(л)ки(м)* (Геров 1: 38; ПРОДД: 32; БЕР 1: 41) будут служить фоном, позволяющим оценивать правдоподобность выводов по отношению к их более частотным соответствиям *дано* и *давно*.

Дано (и *давно* тоже, если упоминается) традиционно описывается как модальная частица, выражающая пожелание, благословение или

¹ Этимологическая лексикография — суровая хозяйка. Гоня этимолога по всему словарю в соответствии с узаконенным беспорядком алфавита и представляя работу над каждым следующим заглавным словом как независимую задачу, она мешает ему подняться над разрозненными этимологическими «этюдами» и увидеть общую картину развития языка. Ж. Ж. Варбот всегда находила в себе силы сопротивляться этому жесткому диктату. Самая характерная черта ее творчества — это способность связывать разорванную нить в ткани синхронии и диахронии языка, не теряя при этом из виду и культурную значимость языковых фактов. Надеюсь, что статья, иллюстрирующая важность анализа слов в контексте для этимологии, отдает дань этой незаурядной особенностью юбиляра и является подходящим подарком ко дню рождения.

проклятие (ГСБКЕ 2: 489–490; БТР⁴: 154) и подчинительный союз цели, употребляющийся самостоятельно или в сочетании с *да*, *та да* и *че да* (ГСБКЕ 3: 386). Иными словами, желательное положение дел *дано X* может быть представлено говорящим как самостоятельное (1) или как зависящее от каких-то действий, целью которых (2) или следствием которых (3) оно является²:

- (1) Грозната вест се разнесе из уста в уста по цялото поле. Пенка примряла от жегата! Боже! Пак жертва! Град да бе паднал, не би тъй убил сърцата. Захвърлиха жътвари остри сърпове и затичаха натагък, плахи и тъжни.
— Боже, *дано* лъжа бъде!³ (Елин Пелин, «По жътва»);
- (2) А бе, гледам го аз тоя чилиак, все към мен зяпа и ми се хили, а то, виждате ли каква била работата: хвърлял ми е въдицата, *дано* изтърва някоя артък приказка, та да я съобщи после в Москва⁴ (Светослав Минков, «Алхимия на любовта»);
- (3) Тя каза, че аз съм била о-по-зо-ре-на. Знайте го, мислете го, кажете го на целия свят... *Дано* тогава бъда оставена на мира⁵ (Пею К. Яворов, «В полите на Витоша»).

До некоторой степени это противопоставление отражает пассивность или активность говорящего лица, но совпадает с этим делением не полностью, потому что весь корпус примеров можно поделить без остатка по критерию самостоятельности/зависимости положения дел *дано X* от каких-либо действий, тогда как вопрос о пассивности/активности говорящего лица снимается во многих примерах, ср. (4) и (5)⁶:

- (4) От моста *дано* цопнеш, кога се връщаш пиян вечер⁷ — вика, — че и аз бял ден да видя! (Чудомир, «Без късмет»);
- (5) Майката на убитото момче, майката на убитото момче тръгва от село на село и в седем църкви, в седем църкви ги проклина, до седмо коляно, *да-*

² Имеющиеся примеры с синонимическими модальными словами позволяют заключить, что *ега*, *негли* и *бе(л)ки(м)* могут употребляться самостоятельно, *негли* еще и в придаточных предложениях следствия, а *ега* и *бе(л)ки(м)* — в придаточных цели.

³ 'Господи, хоть бы это была неправда!'

⁴ 'Он закидывал удочку, авось ляпну лишнее слово, о котором он потом сообщит в Москву?'

⁵ 'Авось оставят меня тогда в покое!'

⁶ Засвидетельствовано и такое же употребление диал. *ега*.

⁷ 'Чтоб ты плюхнулся с моста, когда возвращаешься вечером пьяным?'

но ги господ убие⁸. Запомни това нещо. Защото, когато майка прокълне някого не може да не го стигне клетвата (Георги Данаилов, «Къща отвъд света»)

В этих примерах слово приравнивается к делу и высказывающий пожелание субъект тем самым делает все необходимое для того, чтобы это пожелание осуществилось, т. е. они относятся к категории перлокуционных речевых актов (perlocutionary acts), согласно определению Джона Остина (Austin 1962: 102). При этом важно не то, может ли «на самом деле» говорящий вызвать те благоприятные или неблагоприятные последствия простым произнесением формулы проклятия или благословения, как то, что такое представление является частью традиционной болгарской картины мира.

Кроме уже рассмотренных двух переменных величин, есть еще два фактора, модифицирующих семантику *дано* в речи. Один из них — это грамматическая категория лица. Лицо, для которого положение дел *дано X* является желательным, может совпадать или не совпадать с лицом, предпринимающим шаги к достижению этого положения:

- (6) Докато ние учемме вътре в класната стая и печката бумтеше приятно, децата заеха предишното ни място върху дървото и оттам се мъчеха да надничат през прозорца, та *дано* и те нещо научат⁹ (Йордан Радичков, «Ние, врабчетата»);
- (7) Довиждане, бай Ганьо! Обикаляй Европа, разнасяй по всички краища произведението на нашата хубава Розова долина и.. моля ти се бе, бай Ганьо, взирай се по-дълбочко в европейския живот, *дано* му видиш лицето¹⁰, стига ти се е натрапвало туй пусто опаки!.. (Алеко Константинов, «Бай Ганьо»);
- (8) Не хваща, Стоянчоо... не хваща тази прахан, чичовото! Наш Петко ми я даде завчера, ама или не е сварена добре, или е влажна още, пушината! Ноктите си изпочупих да удрям, ефендимис, не ще и не ще! <...> Няма да я бъде. Нефела. *Дано* имаш да ми дадеш от твоята една сушка, да си хвана огън¹¹ (Чудомир, «Кара Кольо»).

⁸ «В семи церквях их проклинаят до седьмого колена, чтобы Господь их убил».

⁹ «Оттуда [дети] пытались заглядывать в окно, авось и они чему-нибудь научатся».

¹⁰ «Всматривайся поглубже в европейскую жизнь, авось увидишь ее лицо».

¹¹ «Надеюсь, ты сможешь дать мне кусочек [трута], чтобы я себе зажег огонь».

Все случаи несовпадения лица действующего с лицом, выражающим пожелание в моем корпусе содержат не прямые формулировки, приближающиеся по значению к просьбам или распоряжениям, которые выражаются обычно повелительным наклонением, ср. «виж му лицето» в (7) и «дай ми от твоята прахан» в (8).

Последний фактор, который играет роль в варьировании семантики *дано* в речи, — это степень вероятности положения дел *дано X*. Имеющиеся данные позволяют выделить две степени вероятности: нормальная — как в (9) — и ниже нормальной — как в (10) и (11):

- (9) По-нататък ще ви занимавам и с него, но сега не мога наведнъж да разкажа за всички врабчета, а ще трябва да описвам едно по едно събитията, тъй както са се случили, и *дано* не пропусна нищо¹² (Йордан Радичков, «Ние, врабчетата»);
- (10) Она ден ходих до центъра. Ей така, да се разходя. Да се помотам малко, *тък дано* намеря признак на интелигентен живот на тая планета¹³. Мотах се дълго и усърдно, но усилията ми се увенчаха с грандиозен неуспех. На връщане реших да взема метрото (из Интернета, <bulvotch.zavinagi.com/>);
- (11) Ще завърша тези редове, ще ги спретна в отделна книга, *дано* намеря издател, който да се излъже да ги издаде¹⁴, *тък аз*, живот и здраве, ще се разходя из планините на омайната България, ще си поема дълбоко въздух, и ще се опитам да продължа моя разказ (Георги Данаилов, «Доколкото си спомням»).

Часто слабая вероятность желательного положения дел маркирована сочетаниями *тък дано*, как в (10), или *дано тък*, *па дано*, *дано па*¹⁵.

Итак, четыре критерия, модифицирующие семантику модального слова *дано* в контексте, — это (а) самостоятельность/зависимость положения дел *дано X* от каких-либо действий; (б) пассивность/активность говорящего лица или нейтрализация этой оппозиции; (в) несовпадение/совпадение

¹² «Надо будет описывать события одно за другим как они случились, надеюсь ничего не пропущу».

¹³ «Позавчера ходил в центр. Просто так, чтобы погулять. Немного прошвырнуться, авось найду проявления интеллигентной жизни на этой планете».

¹⁴ «Закончу эти строки, соберу их в отдельную книгу, авось найду издателя, который бы соблазнился их издать».

¹⁵ Точно так же употребляется *негли тък* у Пенчо Славейкова, «Епически песни».

лица говорящего и лица действующего; и, наконец, (г) вероятность/невероятность осуществления положения дел *дано* X. Способность болгарского *дано* соответствовать русскому *авось* увеличивается под воздействием правой стороны оппозиции во всех случаях кроме (б), когда оппозиция будто бы не оказывает заметное влияние, но ее нейтрализация делает перевод *дано* словом *авось* невозможным. Если же оценивать способность болг. *дано* переводить русское *авось*, как оно описано у Разлоговой (Разлогова 1998), то она ограничена сферой действия частицы *авось* — ср. (12) — тогда как болг. *дано* не работает в качестве соответствия наречного сочетания *на авось* и существительного (*русский*) *авось*.

(12) У меня голова болит. Я вышла на воздух — *авось* пройдет!¹⁶

Кроме этого, случаи несовпадения лица говорящего и субъекта желательного положения дел, вводимого *авось*, также не всегда охватываются сферой действия *дано*:

(13) *Авось* себя в обиду не дадите¹⁷.

Часто более точным соответствием *авось* является не модальное слово *дано* в самостоятельном употреблении, а сочетание *дано* *тък*. Таким образом, подтверждается, что категория лица и степень вероятности играют роль при очертании частично совпадающих сфер действия двух модальных слов: русского *авось* и болгарского *дано*.

Дано употребляется с глаголами настоящего времени, чаще совершенного вида, но иногда и несовершенного, ср. (8). Очень редко встречаются и другие формы, например имперфект, выражающий (как и в других случаях, ср. ГСБКЕ 2: 331) значение будущего в прошедшем, ср. (14):

(14) Тя беше почнала тази игра отдавна, след дълги колебания, с известна мудрост — дано станеше нещо, което да я осуети — и преди два дни беше стигнала до решителната ѝ фаза, която се изрази в това пътуване (Димитър Димов, «Тютюн»).

Дано обычно занимает начальную позицию в предложении, но его может опережать подчинительный союз, как, напр., (6) — или частица, как в (15):

(15) Целият град, куцо и сакато, ходи въздух да промени и линията си да оправи, само ний кюхтим тука и дебелеем. По-миналото лято още се

¹⁶ 'Боли ме главата. Излязох на въздух — дано ми мине!'

¹⁷ 'Сигурно ще успеете да си опазите интересите'.

канехме. Лятос обуца си купих, уж *дано* тръгнем, а то!... (Чудомир, «Туристи»).

Единственное исключение — это проклятия, в которых *дано* может быть отодвинуто от начала — ср. (4) — вплоть до конца предложения, как в (16)¹⁸:

(16) На държавна служба ли е гостът, с инструменти ли е, със стражар ли е, ако ще да е пратен от правителството да свали слънцето от небето и да им го забучи на кол всред селото да им свети денонощно, ще се правят, че не го виждат, ще го отминават и няма да го здрависат даже. <...> Или жена ще присоса, натоварена с цецилка, да речем, ще ги изгледа изниско и ще измърмори през нос: «Помози Бог», па ще допълни в шепата си:

— Да ви помогне живи да не замръкнете в село *дано*, кога сте се допилели невикани и неканени просяци! Кой знае коя къща ще изгорите и кой дом ще разплачете (Чудомир, «Шареното колче»).

В Тихонравовском дамаскине XVII в. (Демина 1971) встречаются оба модальных слова *давнó* и *данó*, причем *давно*¹⁹ гораздо частотнее *дано*, шесть из семи употреблений которого приходятся на более новые статьи группы *тогива*. Такое распределение синонимов *давно* и *дано* по статьям, восходящим к разным источникам, в сочетании с передачей Тихонравовского *давно* через *дано* в других дамаскинах²⁰ свидетельствует о том, что причиной вариативности следует считать то, что книжники, написавшие их, были носителями разных диалектов. Примеры, содержащие *давно* и *дано*, в основном соответствуют современным ожиданиям, но есть и отличия, на которых следует остановиться. Как и в современном литературном языке, желательное положение дел *давно* X или *дано* X может быть представлено как самостоятельное (17), так и целью каких-то действий (18) или следствием каких-то событий (19).

¹⁸ Сказанное о порядке слов *дано* соответствует положению с его синонимами. Только *ега* в проклятиях (например, у Добри Жотева, «Мъдрост на характера») может занимать место в конце предложения.

¹⁹ Встречается 36 раз в статьях группы *тогази* и 5 раз в статьях группы *тогива*.

²⁰ Например, в Свищовском дамаскине или рукописи № 133 Центрального Историко-археологического музея при Св. Синоде в Софии (Демина 1968: 108, 152–153).

- (17) а коигто не послѣша. а тои ще да е осѣдѣнь със дѣвола въ вѣчнаа мѣка ами *давно* ны избави ѿ неа х[ристо]с б[ог]ъ дето мѣ е слава въ вѣкъ вѣком (Демина 1971: 228)²¹;
- (18) а вдвоицата си не оставѣше лозіето ами ходѣше на патриарха и молѣше мѣ се и трѣдѣше го, да ходи на ц[а]р[и]ца *давно* и даде лозіето (Демина 1971: 145);
- (19) ами посѣга ты видѣ тѣлото ми голо, *давно* и злината моа да се очисти и оголи (Демина 1971: 193).

Самое важное формальное отличие в дамаскинах — это возможность употребления *давно* и *дано* не только с настоящим временем (17), (18), (19) или имперфектом (20), как теперь, но и с условным наклонением (21).

Засвидетельствован один пример условного наклонения с *дано* и 21 пример с *давно*:

- (20) И тѣзи година не смѣа никомѣ да каже шо е видѣль. тѣкмо самси мыслѣше и молѣше се б[ог]ѣ, *давно* пак се състанѣше съ неѣм (Демина 1971: 197);
- (21) а лѣкавыи дѣволь не прѣстанѣваше да ю плаши. и много пѣти се прѣтвараше като свѣрь страшнь, *давно* бы ю ѣплашилъ да остави пѣстынь (Демина 1971: 95)

Результатом этого формального различия является впечатление, что книжник считает вероятность осуществления желаемого положения дел *дано* X или *давно* X слабой. С другой стороны, такие предложения очень часто выражают упование на божью помощь в духе христианского мировоззрения, что будто бы противоречит такому восприятию:

- (22) ами да се подканимъ и ные, да се пом[о]лимъ б[ог]ѣ и с[в]ѣт[о]му николѣ, *давно* бы послѣшаль б[ог]ъ нѣгова м[о]л[и]тва, и отпѣстил бы нас дето нѣ сме кривы, ниты знаемъ что сме сториле (Демина 1971: 174).

Поэтому я затрудняюсь судить о вероятности, приписываемой желательному положению дел в каждом отдельном случае, а потому и о том, существует ли в дамаскинах такая градация вероятности, как в современном литературном языке.

²¹ Текст дамаскина передается в упрощенной транскрипции без диакритических знаков и выносных букв.

Второе существенное отличие касается нейтрализации оппозиции пассивности/активности говорящего лица. Модальные слова *давно* и *дано* не употребляются в проклятиях и благословениях, даже когда такая возможность по контексту есть, ср. (23), но молитва, содержащая ссылку на желательное положение дел, точно так же приравнивает слово к делу, а такие примеры в дамаскинах есть, ср. (20):

- (23) и ѿома мѣ реч[е]. да ти ѿстави г[оспод]ъ съгрѣшеніето на ѿнзи свѣтъ. а рѣката шо си прострѣ та ме ѣдари свѣрие *да* ти ю растрѣгнѣть. и много людѣе *да* видѣть (Демина 1971: 90).

Сравнивая новоболгарские дамаскины, переведенные со среднеболгарских текстов, с доступными мне среднеболгарскими параллельными текстами, удалось установить, что в тех случаях, когда болг. *давно* или *дано* соответствует отдельное слово, то это *негли* (Демина 1971: 191 и рукопись № 154 XV в. из Библиотеки Румынской АН, 62 об.²²; Демина 1971: 277 и Ханджарский дамаскин XVII в., 128 об., см. Демина 1968: 152). Чаще, однако, модальным словам *давно* или *дано* соответствуют в среднеболгарском обычные придаточные предложения цели.

Согласно БЕР модальное слово *давно* впервые засвидетельствовано в среднеболгарском переводе XIV в. византийской хроники Константина Манассии. Это утверждение можно уточнить. Все четыре примера встречаются в тексте Троянской притчи, прибавленной к основному тексту хроники Манассии в Ватиканском ее списке середины XIV в. (Лихачев и др. 1988: 449), и полностью соответствуют употреблению в дамаскинах: желательное положение дел *давно* X представлено как цель каких-то действий, а глагол в условном наклонении.

Как убедительно показала Т. М. Николаева, с точки зрения этимологии модальные слова могут принадлежать к партикульному фонду, и в таком случае они должны были приобрести характерную для своего класса семантику на более поздней стадии, чем возникновение самих партикул (Николаева 2003: 463–464). Все болгарские модальные слова, за исключением турецкого заимствования *бе(л)жи(м)* < *belki* 'может быть, возможно, вероятно, пожалуй, авось', объясняются в этимологической литературе как «слипшиеся» комплексы партикул. Относительно *давно* и *дано* считается, что первично *данѣ*, образованное

²² Перепись первой части жития Марии Египетской из этой рукописи была мне любезно предоставлена Боряной Велчевой. Факсимиле второй части опубликовано в (Велчева 1996).

от *да* + *но* (БЕР 1: 319; ESSJ 2: 156), а *давнѣ* «вероятно» получило свое *-в-* под влиянием редкого *дѣвно* 'давно', соответствующего лит. *отдавна* (БЕР 1: 312). Такое толкование вызывает некоторые сомнения. Во-первых, ранняя датировка модального слова *давно* требует отнести влияние наречия времени *давно* на модальное слово *дано* к периоду до XIV в., но само модальное слово *дано* засвидетельствовано только с XVII в. Иными словами, продукт вторичных процессов оказывается засвидетельствованным намного раньше исходной формы. Во-вторых, для того чтобы наречие времени оказало влияние на звуковой облик модального слова, надо, чтобы они где-то пересекались, оказываясь в каких-то контекстах взаимозаменяемыми или хотя бы близкими. БЕР оставляет семантическую сторону без комментария. В-третьих, БЕР и ESSJ отсылают к разным *но*. Для БЕР это противопоставительный союз *но* из *нѣ* (БЕР 4: 669), где изъяснение ера объясняется заимствованием из русского языка или считается результатом диалектного фонетического процесса, что менее вероятно, потому что форма *но*, по-видимому, неизвестна болгарским диалектам (БЕР 4: 712). ESSJ же постулирует исконное междометие **но*, которое, однако, как раз в болгарском языке не встречается (ESSJ 2: 500–502).

На самом деле гораздо легче себе представить, как *данѣ* могло произойти от *давнѣ*, чем наоборот. Консонантные группы *-вн-* и *-мн-* смешиваются в болгарских диалектах и иногда могут даже упроститься до *-н-*, ср. *нѣго* < *мнѣго* (БДА 1: 76–78; 2: 108; 3: 97–100; 4: 122–123, 128). Более того, наречие *давнѣ* 'давно' засвидетельствовано в форме *дано* в русском списке XV в. Жития св. Константина-Кирилла, сохранившем в большей степени, чем другие списки, особенности южнославянского оригинала, созданного между 869 г., когда Константин-Кирилл умер, и 882 г., когда была написана Итальянская легенда, посвященная папе Иоанну VIII и ссылающаяся на это житие (Лавров 1966: xv, 27; SJS 1: 458; КМЕ 2: 389). Четыре других русских списка предлагают чтение *егоже не вѣдано было* вместо *егоже не бѣ дано было*; т. е. также, по-видимому, восходят к источнику, содержащему не *давно*, а *дано*. Упрощение консонантной группы *-вн-*, однако, вряд ли присутствовало в оригинале жития, так как оно могло произойти только после падения слабых еров, а это явление в болгарском языке относят к периоду X–XI вв. (Мирчев 1978: 123). Таким образом, русские списки отражают форму, возникшую в болгарском языке где-то между XII и XIV веками. Объединяя свидетельства Жития Константина-Кирилла и Троянской притчи, можно заключить, что к XIV в. формы *давно* и *дано*, являясь представителями в разных диалектах

более раннего *давнѣ*, употреблялись в болгарском языке не только в качестве наречий времени, но и как модальные слова. Дамаскины XVII века широко используют их как модальные слова, но наречие времени здесь уже другое — *отдавна* (Демина 1971: 75, 96, 180, 181, 207), такое же, как и в современном литературном болгарском языке.

Эволюция *давно* > *дано* предполагает, что первичным было значение 'много времени тому назад'. Семантический переход от наречия времени к модальному слову мог осуществиться в предложениях со сказуемым в условном наклонении примерно так: 'давно бы это произошло' > 'давно бы так; скорее бы это произошло' > 'авось это произойдет'. По мере забывания внутренней формы модального слова носителями языка сделалось возможным заменить условное наклонение глагола на настоящее время изъявительного наклонения. Процесс этот уже начался ко времени создания новоболгарского перевода дамаскинов в XVII в. Таким образом, эта этимология выводит модальные слова *давно* и *дано* из пространства партикул и объясняет их как сравнительно позднее и локальное экспрессивное употребление знаменательного слова. Предложенная семантическая модель не ограничена болгарским языком: параллелью может служить хотя бы греч. *τάχα* 'быстро' и 'может быть; как будто бы', которое иногда переводится как *негли* 'может быть, пожалуй, авось' (ср: пример из Григория Богослова в СлРЯ XI–XVII вв. 11: 65). Что касается редкого с.-хорв. союза цели *дано* (РСА 4: 53), который ESSJ считает родственным болг. *дано*, то при таком объяснении он остается в стороне, возможно сохраняя за собой выдвинутую ESSJ этимологию.

И последнее, что привлекает внимание, — это акцентологический аспект предложенной здесь этимологии модального слова *да(в)нѣ*. Болгарские наречия на *-о*, производные от прилагательных, придерживаются той же схемы ударения, которая представлена в форме среднего рода исходного прилагательного. Исходное прасл. **davъnъ* принадлежит к акцентному типу D прилагательных на *-ьнъ*, для которого реконструируют новоакутовое ударение на гласном, предшествующем суффиксу, в среднем роде **dávъno* (Дыбо 1981: 72–94). В восточнославянском акцентный тип D был заменен на тип B (ударение на окончании), который, по-видимому, и представлен в болгарском модальном слове *да(в)нѣ*. Однако среднеболгарские акцентуированные памятники, анализированные В. А. Дыбо, сохраняют акцентный тип D, что не противоречит и данным современных болгарских диалектов, в которых наречие времени носит наосновное ударение. Таким образом, модальное слово *да(в)нѣ*, *дѣвно*, удалившееся семантически от исходного наречия

времени, маркирует семантическую разницу перемещением ударения. Похожую связь ударения со значением демонстрируют предикативы *тежкó* и *горкó*, ср. *тежкó* и *горкó* на оня, който си няма приятели 'горе тому, у кого нет друзей', но *тежкó* нареч. 'тяжело, трудно' и *горкó* нареч., книж. 'горько, тяжело' и *сáмо* част. и нареч. 'только', ср. *сáм*, *самá*, *самó* 'сам', *самó* нареч., диал. 'пусто, безлюдно; точно, именно' (БЕР 6: 454). И в этих случаях семантически и функционально изолированные формы отклоняются от ожидаемой схемы ударения, явление, которое, по-видимому, имеет региональный характер.

ЛИТЕРАТУРА И СОКРАЩЕНИЯ

- БДА — Стойков С. и др. Български диалектен атлас в четири тома. София, 1964–1981.
- БЕР — Георгиев В. и др. Български етимологичен речник. София, 1971–2002. Т. 1–6.
- Бернштейн 1986 — Бернштейн С. Б. Болгарско-русский словарь. 3-е изд. М., 1986.
- БТР⁴ — Андрейчин Л. и др. Български тълковен речник. Четвърто издание, допълнено и преработено от Димитър Попов. София, 1999.
- Велчева 1996 — Велчева Б. Ранният славянски превод на Житието на св. Мария Египетска в един ръкопис от XV век. // Старобългаристика 20: 3, София, 1996: 30–54.
- Геров — Геров Н. Речник на българский език. Пловдив, 1895–1904. Т. 1–5.
- ГСБКЕ — Тилков Д. и др. Граматика на съвременния български книжовен език. София, 1983. Т. 1–3.
- Демина 1968 — Демина Е. И. Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. Ч. I. Филологическое введение в изучение болгарских дамаскинов. София, 1968.
- Демина 1971 — Демина Е. И. Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. Палеографическое описание и текст. София, 1971.
- Дыбо 1981 — Дыбо В. А. Славянская акцентология. М., 1981.
- КМЕ — Динев П. и др. Кирило-методиевска енциклопедия. София, 1985.
- Лавров 1966 — Лавров П. А. Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности. Photomechanic Reprint. The Hague and Paris: Mouton & Co, 1966.
- Лихачев Д. С. и др. 1988 — Лихачев Д. С. Среднеболгарский перевод хроники Константина Манассии в славянских литературах. София, 1988.
- Мирчев 1978 — Мирчев К. Историческа граматика на българския език. София, 1978.

- Николаева 2003 — Николаева Т. М. Пространство славянских частиц // Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. Любляна, 2003 г. Доклады российской делегации. М., 2003: 448–469.
- Разлогова 1998 — Разлогова Е. Э. Авось // Киселева К. Л. и др. Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания. М., 1998: 319–325.
- ПРОДД — Илчев С. и др. Речник на редки, остарели и диалектни думи в литературата ни от XIX и XX век. София, 1974.
- РСА — Речник српскохрватског книжевног и народног језика. Београд, 1959–, Књ. I–.
- СлРЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–. М., 1975–.
- Чукалов 1981 — Чукалов С. Русско-болгарский словарь. М., 1981.
- Austin 1962 — Austin, John. How to Do Things with Words. Cambridge, 1962.
- ESSJ — Havránek B. et al. Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a významy. Т. 1–2. Praha, 1973–1980.
- SJS — Kurz J. et al. Slovník jazyka staroslověského. Т. 1–4. Praha, 1966–1997.